

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 10 (2273) Суббота, 2 марта 1946 г. Цена 45 коп.

Четверть века грузинской литературы

Советская Грузия, страна древнейшей культуры, празднует знаменательные дни — 25-летие установления советской власти. Четверть века — небольшой период в жизни страны; но в условиях советской власти эти годы отмечены небывалым расцветом всех отраслей народного хозяйства и культуры, расцветом, не имеющим равного во всей истории Грузии. За четверть века в Грузии выросло и окрепло новое поколение мастеров художественного слова. Грузинская советская литература росла вместе со всей страной; вдохновленная идеями партии Ленина — Сталина, она черпала свою тематику из жизни народа, чутко отзывалась на все происходящее в стране. Не то было 25 лет назад. К моменту установления советской власти в Грузии литература перестала быть ведущей культурной силой; запустевшая в антиреалистических, декадентско-символистических течениях, литература оторвалась от действительности, а грузинские писатели в большинстве своем очутились в творческом тупике. Первые горячие выступления пролетарских писателей и некоторых представителей дореволюционной литературы, призывавших к реалистическому отображению жизни, встретили горячий отклик в стране. Ряды литераторов пополнились новыми кадрами, преимущественно молодежью, связанной с революционным движением. Перед ними встала задача отразить в литературных произведениях большие события эпохи, показать борьбу за диктатуру пролетариата, внутренний мир новых людей, строителей социалистического общества. В период сталинских пятилеток появляются романы: «Кукурузная республика» К. Лордкипанидзе, «Феро» Б. Чхеидзе, «Ледо» А. Чейшвили, пьеса П. Какабадзе «Свадьба колхозника» и другие. Одной из основных тем грузинской литературы, особенно прозы, стала проблема взаимоотношений личности и общества, духовное и моральное возрождение человека под влиянием нового общественно-политического строя. Лео Киачели посвятил этой теме роман «Гвади Бига», получивший всеобщее признание и удостоивший Сталинской премии. В поэзии тема роста молодого человека нашла свое отражение в поэме А. Машавиля «Энгура». Наряду с современной темой большое место в грузинской литературе заняла история — романы и поэмы, повествующие о самоотверженных героях прошлого, о самоотверженной борьбе рабочего класса, об отцах и дедах, погибших во имя освобождения народа от многовекового рабства. Лучшими среди этих произведений были: «Тарел Голуа» Л. Киачели, «С тропинкой на рельсы» Н. Лордкипанидзе, «Эпопея» Г. Табидзе и повесть об империалистической войне «Пелета» С. Кладивили. В трилогии «Ипомея к лицу» А. Кутатели обрисовал жизнь Грузии под властью предателей-меньшевиков. Борьбу грузинского крестьянства против помещиков и царских чиновников отобразил С. Шанишавили в своей пьесе «Арсен». Грузинские писатели закономерно гордятся произведениями, вдохновленными великой

Народный Комиссар Вооруженных Сил и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. В. СТАЛИН

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О преобразовании Народного Комиссариата Оборонно-Воздушных Сил Союза ССР в Народный Комиссариат Вооруженных Сил Союза ССР

Преобразовать Народный Комиссариат Оборонно-Воздушных Сил Союза ССР, объединив в этом Наркомате все вооруженные силы Союза ССР — сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морские силы.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 25 февраля 1946 года.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР Об упразднении Народного Комиссариата Военно-Морского Флота Союза ССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР об образовании Народного Комиссариата Вооруженных Сил Союза ССР — Народный Комиссариат Военно-Морского Флота Союза ССР упразднить.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 25 февраля 1946 года.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О назначении Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина И. В. Народным Комиссаром Вооруженных Сил и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза ССР

Назначить Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина Иосифа Виссарионовича Народным Комиссаром Вооруженных Сил и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 25 февраля 1946 г.

Аалы ТОКОМБАЕВ

НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ

Увещанный сверкающей чалмой. Спал Ала-Тоо летом и зимой. Кочевники стада свои пасли. На склонах, что травой поросли. Той горький плач и жалобы, киргиз, Лишь эхо услышало бы, киргиз. От мира жили предки вдалеке. Лишь всадник редкий достигал Мерке. Но тех времен давно затерян след. И странно слушать сказку прошлых лет.

И камнем на лису упадет. Пугливо серна ускоряет бег — Здесь барс, наверно, или человек... Там, где гуляет эхо между скал, Я заросли ореха отыскал. Наш Арслан-боб орехами богат. Как будто сказочный скрываю клад. Там лес усен бурой скорлупой. Над ним сияет купол голубой. На юге хлопок, сердце веселя, Пушистым снегом выведен поля. На тутах сербристый шелкопряд Свершает свой таинственный обряд, И — дом его без окон и дверей — Свисает кокон с туювых ветвей, С ячком из кости слоновой схож. В Киргизии ты лучший шелк найдешь. Из шелка шит легчайший парашют, И шелком рану воину зашьют. В долине Чуйской в ясный летний день. Кошется пшеница и ячмень. Капуста вибрирует на грядке раздалась, И свекла соком сладким налилась.

Трудилобиво — обильный той. Готовит осень шедрою рукой. Напевами гудков пробуждена Страна моя от векового сна. Мой край, ты щедро одарен судьбой. Порог Востока озарен тобой. Уму богатством славен с давних пор. Еду средни хребты Киргизских гор. Где были только кручи без дорог, Теперь спирально путь могучий лег. В степи — каналом поволовных степь. Там — соловьям в садах свободных петь. Проходит поезда сквозят толщу гор, Как иглы сквозят узкоязычный ковер. Ты стал неузнаваем, Киргизстан. Ты стал счастливым краем, Киргизстан. Под знаменем Советов расцвели Сады и города моей земли. За дружбу — жизни не жалел Манас, И верности учил предки нас. В боях суровых закалив свой меч, Мы дали клятву — Родину беречь.

Перевела с киргизского Вера ПОТАПОВА.

Алио МАШАШВИЛИ

ГРУЗИЯ

Твой поля и радужные взгорья. Стонали под вой чужих племен. На Черном море, на Каспийском море От волн истерзанных вздымался стон. Но с грудью, огненным тавром Каледной, Страна моя, ты не была рабой. Блестя полумесяцем, знамена Дрожали склонились пред тобой. Ты, горькие одолевая муки, Растла гнев под кровом тишины, И Каргоса' беспрепятственные вьнуки Той сокровенной силой спасены.

Чтоб защитить долины, горы, недра, — Свой древний край, что по природе гор, Чтоб не впустил губительного ветра, — Смертельного дыхания вражеских орд. И чтобы сердце гор Кавказский, Не замирая, билось горачей, И наковальни были б раскаленной, Чтоб молнии коваты взамен мечей, — Ты отвечала грозным нагревом Врагам своим, сойдясь к лицу лицом, Ты отбивалась и огнем, и гневом, И правдой сердца, и лютым свином.

Корабль отчизны! Славь борьбу и славы — Бесценный груз — неси из века в век. Сверкает над тобою величавый, Как мачта полнебесная, Казбек. Ты, ульпаня в дальние столетия, Своих единокровных собери. Безразлостному сумраку мечетей Ответит отблеск утренней зари. То с Севера, расцветая тучи, Звезда Кремля струит огонь живой, Там лучший сын твой, мудрый и могучий Шестнадцатый республиканский герой. Перевела с грузинского М. ПЕТРОВЫХ.

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Литература и литературоведение Советской Киргизии

Киргизская советская литература возникла и развивалась на основе богатейшего устного народного творчества. Среди героических поэм, отражающих многовековую борьбу народа с иноземными захватчиками, на первом месте стоит древняя трилогия «Манас». Кроме «Манаса» в народе популярны героические поэмы «Курманбек», «Джаныш-Баиш», «Эр-Табиды» и разнообразные по тематике новеллистические поэмы, лирические и обрядовые песни, в которых отражены быт, нравы и обычаи киргизов. Народ выдвигал из своей среды талантливых творцов и хранителей народного эпоса: Из акынов дореволюционного периода известны Калыгул, Арстанбек, Кылыч. Немало прекрасных произведений оставили Токтогул Сатылганов (умер в 1933 г.) и Тоголок Молдо (умер в 1942 г.). Первыми произведениями киргизской советской литературы были, главным образом, лирические стихи народных акынов. Акыны воспевали советский строй, Ленина и Сталина и их соратников, восхваляли Красную Армию, призывали к борьбе с врагами советского государства. В 1924—1925 г. г. стала выходить первая киргизская газета «Эркин тоо» («Свободные горы»); в ней печатались стихи первых киргизских поэтов. В литературе этого периода преобладают лирико-эпические произведения, главное место занимает разоблачение старого отжившего быта. В формировании и развитии современной киргизской литературы наряду с устным творчеством киргизского народа большую роль играла и играет русская литература. Киргизские писатели внимательно изучали произведения русских писателей. В современной киргизской поэзии несомненно ощущается влияние Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Некоторые рассказы А. Токомбаева и Т. Сыдыкбекова написаны под непосредственным влиянием Гоголя и Чехова. Первая киргизская комедия «Джанал ак Джантасов» Р. Шукурбекова переключается в какой-то степени с гоголевским «Ревизором». В романе Сыдыкбекова «Кен-су» выведен образ крестьянина, родственник шолоховскому Щукару. В начальный период существования Советской Киргизии трудящиеся массы республики вели под руководством большевистской партии ожесточенную борьбу против феодальных пережитков. В эти годы главной темой киргизской литературы было разоблачение баев-манюпов, описанные в старом быту. Судьба женщины, ее жизнь и надежды, ее истинное стремление сбросить оковы прошлого на-

ши широкое отражение в киргизской лирике этих лет. С особой любовью воспевают киргизские поэты красоту солнечной Киргизии, величавые снежные вершины гор, изумрудные альпийские пастбища, цветущие долины, пшеничные поля и хлопковые плантации. Джоомарт Боконбаев так воспевал красоту родного края: Помню летние о кручи Твои ручьи, Ала-Тоо, И поювет иттии элар*. И помню, родной Ала-Тоо, Мелких стелюк твоих, И ветки густых чинар! Где трелью звенит соловей, Храбро я в душе мой. Социалистическое строительство обогащает киргизских писателей новыми темами и сюжетами. Роман Т. Сыдыкбекова «Кен-су» раскрывает перед нами жизнь и борьбу в киргизском ауле в первые годы зена и живописует великие события, связанные с коллективизацией. В пьесе Т. Саманчина «Лети Бермета» колоритна фигура интеллигентно-киргиза. Немало выдающихся произведений написано киргизскими писателями о прошлой жизни народа. Роман А. Токомбаева «Кривые горы», повести К. Маликова «Храбрость» и М. Элебаева «Долгий путь», драма Ю. Турсунова «Вместо смерти», поэма Х. Токтомушева «Письмо из Кошкала» развертывают картину народного восстания 1916 года. Пьесы Т. Сыдыкбекова и К. Рахматулина «Манас и Алмамбет», К. Джантошева «Курманбек», оперные либретто А. Токомбаева и К. Маликова «Манас», Д. Боконбаева «Семетей», К. Маликова «Сейтек», его же поэма «Балбай» рисуют яркие образы храбрых и мужественных представителей киргизского народа. Патристический подтекст охвативший киргизский народ в годы Отечественной войны явился для киргизских писателей могучим стимулом к созданию новых произведений. Лирика этих дней выразила глубокое чувство советского человека, его горячую преданность советской родине, ненависть к врагу. Поэмы и стихи, созданные киргизскими писателями в эти годы, зовут на свянную борьбу с немецкими захватчиками. Фронтник Т. Уметалиев обращался к юному Киргизии с пламенным призывом быть бесстрашными, как Манас: * Улар — гималайская дикая индейка.

Легендой огеи твой прадед Манас. Сравнился с Манасом бесмертной судьбой; Народ свой, киргизов, на авту ильды, Отчизну — Тала — от прагон отрял. Патристический подтекст народа показан в произведениях фронтников Р. Шукурбекова, Т. Байджиева, в поэмах Т. Уметалиева, А. Токомбаева, М. Токомбаева, Д. Боконбаева, А. Осмонова, К. Эшмамбетова. В романе Т. Сыдыкбекова «Люди нашей эпохи», в рассказах, новеллах других авторов зарисованы героические усилия киргизского народа, самоотверженно работавшего в тылу. Большую роль в развитии литературоведения сыграл Научно-исследовательский институт языка и письменности, созданный в 1933 г. В дальнейшем этот институт был реорганизован в Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (НИЯЛИ), который затем вошел в состав киргизского филиала Академии наук СССР. Институт руководил работой по сбору и изучению киргизского фольклора. Был записан монументальный героический эпос «Манас»; за последние годы собраны и изданы фольклорные поэмы «Табиды-батыр», «Кедей-хан», «Коджаджаш», сказки, басни, пословицы, лирические песни. Появились исследования, посвященные «Манасу», работы М. Ауэзова, У. Джакнишева, А. Бернштама, П. Беркова и др. Собирается и обрабатывается литературное наследие великих акынов Калыгула, Кылыча, Арстанбека, Токтогула, Шайбекова и др. Т. Саманчиним написано несколько монографий об акынах — Тоголок Молдо, Кылыча и др. Медине Богданова разработала научную классификацию многообразных жанров киргизского фольклора, на основе которой проведена паспортизация фольклорного фонда института и создан каталог фольклорных произведений по жанрам и сказителям. Институт языка, литературы и истории киргизского филиала Академии наук создал учебные пособия по фольклору и литературе. В 1942—43 гг. изданы «Очерки киргизской литературы» на киргизском языке для преподавателей школ и студентов педвузов. Над книгой работал авторский коллектив: М. Богданова, У. Джакнишев, Т. Саманчин, К. Рахматулин, М. Богданова и Х. Карасаев написали учебник по теории литературы. В конце 1944 г. М. Богданова закончила работу «Очерки по истории киргизской литературы» — от древних времен до современности. В настоящее время составляется многотомная история киргизской литературы (авторы — Т. Саманчин, П. Баттин).

Иллюстрация А. Кузнецова к книге Ивана Франко «Избранное» (Детгиз).

Л. СКОРИНО ПЕРВАЯ КНИГА

Повесть «Большое ожидание» — первая книга Ольги Грузевой, начало ее литературного пути.

Ольга Грузева рисует среднего человека, тот «винтик», который подчас незаметен в жизни страны, но является ее неотъемлемой составной частью. В повести нет героических событий, перед читателем проходит картина повседневной жизни тыла, картины трудного военного бытия рядовых людей, на долю которых выпало счастье подвига. Но героика не исчерпывает повести Грузевой: ее персонажи видят за своими скромными «малыми» делами общее дело борьбы с врагом, они черпают свои силы в общем стремлении к победе, в несокрушимой любви к родине.

Героиня повести Наталья Герасимовна — обыкновенная советская служащая. События ее жизни, о каких рассказывает автор, самые простые, обыденные и одновременно типичные для военного времени. Наталья остается в прифронтовом городе, участвует в борьбе с воздушными налетами, работает на строительстве оборонных укреплений. У нее умирает ее старшая Наталья вместе с двумя детьми — родной дочерью Таней и приемным, сыном Гришей, у которого мать погибла во время бомбежек.

Приходит письмо из воинской части: муж Натальи пал смертью храбрых. Эта весть надломил ее, она не хочет жить. Но жить надо, надо поднимать детей. И преодолев свое горе, Наталья продолжает жизненную борьбу, проявляя подлинное мужество. Необходимо выстоять, выстоять во что бы то ни стало, не дать себя победить страданиям и тоске. Надо сохранить себя, остаться полноценным гражданином своей родины. Такова задача, и женщина находит в себе силы ее решить.

О. Грузева вольновольно повествует о переживаниях и трудах своей героини, показывая бытовые и психологические черты, непотворимые присущие военному времени. Таковы некоторые сценки из быта на строительстве укреплений, о каком рассказ о горе Натальи Герасимовны, о ее попытке уйти из жизни, когда она потеряла любимого человека.

И вот тут-то проявляется основной недостаток повести «Большое ожидание». О. Грузева скрывается за яркие зарисовки, на жизненные детали. Писательница старательно обходит себя, выходящая из повести все конкретное и подлинное только общее. Дело здесь отнюдь не в неумелости и неопытности автора, а в том непознательном творческом принципе, какой исповедует Ольга Грузевая и от которого писательнице необходимо предостеречь в самом начале ее творческого пути. О. Грузева не ищет характерного, а идет по линии натуралистической регистрации многожизненного. Из поступков персонажей, их мыслей, их речи изыты индивидуальные, своеобразные черты. Грузева насы-

О. Грузева. «Большое ожидание». Ярославск. обл. изд-во, 1945, стр. 164, цена 4 руб., тираж 6.000 экз.

Сборник песен Джамбула

В Гослитиздате в ближайшее время выходит из печати большой сборник (около 10 печ. л.) — «Избранные песни» Джамбула. Сборник открывает популярную песенку акына «Родина моя». Цикл песен посвящен прошлым годам в Верховный Совет, Сталинской Конституции. Таковы песни «12 декабря», «Песня ликавника», «Белый Сталинский закон» и другие. Значительная часть произведений, включенных в сборник, связана с темой Отечественной войны («Ленинградцы, дети мои», «В час, когда зовут Сталин и др.). Песни даны в переводе П. Кузнецова, И. Сельвинского, М. Алигер, М. Матусовского, А. Адамы, М. Зенкевича и др. Редактор-составитель — Евг. Мозольков. Одновременно с этой книгой Гослитиздат готовит одноименный Джамбула. В одноименный, кроме стихотворений акына, войдут поэмы и его выступления на айтысах (состязания певцов).

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Джамбул

В поэме «Моя Родина» Джамбул делает своеобразный исторический обзор того, что произошло на его памяти: «Левяство Джамбулу лет, много в памяти черных мести».

«В белой юрте из белой шерсти этого бая видел я». А как жили его рабы, служивки?

Белый джигит, сын беллика, голубые подтяжки бая. На голое тело надел чепчик, бакинские сапожки, белая рубашка, белая юбка. Летом и жару, зимой и бурю. Да, так жил в детстве и сам Джамбул, купая байских ягнят, а его мать раздавала костер байбише (то-есть старшей жены хозяина).

В казахской и киргизской литературе эта эпоха (вторая половина XIX века) получила характерное наименование — «эпоха скорби». В фольклоре сохранилось множество таких «скорбных песен» — зарзаванов, казахские акыны, батыры, как например, Мурат, Шортанбай, Дулат и другие, звали народные массы к борьбе с царизмом и феодальной знатью. Были, однако, и другие акыны и писатели — «кичкинники» (Шады и др.), которые становились подголосками своих угнетателей, воспевали их богатства, сочиняли эротические стихи для сытых.

Джамбул принадлежал к тем передовым акынам, чье поэтическое слово на протяжении всей его жизни было революционной энергией народа. И подобно тому как губернаторы и дворяне на сессии «Жады» со страхом приходили новой книге «Жады» Герцена, боясь появления там разоблачительной заметки, так в степи в те же годы многие бая ждали со страхом рождения новой песни Джамбула.

Творчество Джамбула в советские годы может быть живой иллюстрацией тех глубоких изменений, которые произошли в устной народной поэзии в эпоху великого преобразования народной жизни.

За советские годы Джамбул сложил более сотни песен и поэм. Почти все они записаны стенографичеки секретарями-фольклористами и неоднократно издавались отдельными книжками. Тираж произведений Джамбула на его родном и на русском языках измеряется миллионами экземпляров. Если раньше темой его поэтических импровизаций были по преимуществу военные дела казахских батыров, круг родовых интересов и родовой борьбы, наконец, переработка казахских и вообще восточных легенд и сказок, то теперь, в советские годы, в поэтическое сознание Джамбула входит жизнь всего советского народа и даже зарубежных стран. Джамбулу читают, переписывают газеты, книги, Джамбул сам часами слушает радио на ка-

закском языке. Путешествия и многообразные встречи Джамбула — все это широко развивало его умственный горизонт. По содержанию и по жанру своему песни Джамбула советских лет также значительно отличаются от его доореволюционных произведений. Джамбул мог бы в прежние годы повторить о себе слова Султана Махмуда Торайгырова (1893—1920), талантливого писателя-демократа Казахстана: «Жизнь не за тем, чтобы поселят крестьян, чтобы разбить жиную крепость. Жизнь — чтобы человек мог помочь, чтобы бедняк не плакал и не пропал».

Но вот, наконец, наступил «расцвет жинкой красоте». Именно так воспринял Джамбул победу советской власти; борьбу за социализм; свою задачу он, как поэт, прежде всего видел в том, чтобы воспеть этот расцвет. Вот типичное построение новой советской песни Джамбула. Место сказочного завета с его легендарными и сказочными мотивами занимает обычно взгляд на настоящее:

Песни рождены в руках степняков, Песни историчной работы страны, Песни в степных полях, как вески, Песни печали, нужды и тоски... Вспомнитесь лет и сказок степей пел... («Привет народу»)

Затем идет поэтическое описание революции, пережитой казахами:

Радость моя пришла в Октябре, Радость прине: московский декрет, Я в новой песней пришел на юг... А степи и долины зыбят Казахстан, С тех пор, как юней, я от счастья горю, Я родные лучшие песни дарю.

Третья часть песни представляет описание того, что революция принесла народу:

Котан — площадь в центре аула.

Д. БЛАГОЙ ПОВЕСТЬ О ЛОМОНОСОВЕ

Книжка М. Муратова — увлекательно и очень доступно написанный рассказ о делах и днях одного из гениальнейших деятелей русской культуры, все значение которого стало очевидно именно теперь, в дни особенно интереса к нашему великому профессору.

Автор несомненно обладает двумя важными качествами: умением говорить просто о сложных вещах, связанных хотя бы с замечательными трудами и открытиями Ломоносова в области точных наук, и даром живого изложения. Его книжка интересна и полезна не только для детей старшего возраста, которым она в первую очередь адресована, но и для взрослого читателя. Сдержанностью тона, хорошей серьезностью и спокойной простотой отличается это новое повествование о Ломоносове.

М. Муратов достигает поставленной цели — дать запоминающуюся могучую самобытную фигуру сына крестьянина-помора Ломоносова на фоне его весьма своеобразной и причудливой исторической современности. Без дурной тенденциозности, без нужного грубого нажима излагает автор и такие «злюбодневные» эпизоды биографии Ломоносова, как знаменитая борьба с немцами, пытаясь захватить Академию наук в свои руки, не допустить русских людей к научной работе. Контраст между мелкими, но ловкими дельцами-чиновниками от науки, всеми этими шумихерами, таубеггерами и бескорыстно преданным своему делу великим ученым-патриотом — сам по себе слоганное развлечение, чтобы нужно было прибегать к шаржу и карикатуре. Эпически величавы и то же время по-настоящему волнует странички, посвященные болезни Ломоносова и его кончине.

Повествовательная манера автора «Ломоносова» в какой-то мере следует традиции «Кюхля» Тынянова, тоже задуманного как детская книга.

Белинский считал, что одним из существеннейших признаков, отличающих подлинно поэтическое создание от просто «беллетристички», является осязательное наличие в нем «афароса» — «живой страсти писателя, «злюбодневного» владения им поэтической идеей, «как в прекрасное живое существо, страстно пропнутое ею». Таким, отнюдь не бросающимся в глаза, глубоко скрытым пафосом прогрета является «Жизнь строка романа Тынянова. Наоборот, Муратов, мы не чувствуем в прозаическом изложении всего своих достоинствах остающуюся — всего своим образом хорошей популярно-биографической беллетристички.

Одно из достоинств автора — внимательное и добросовестное изучение исторических материалов, первоисточников и т. п. Тем досаднее те небрежности, которые все же вкрались в эту книгу. Сюда относятся не только неточности в цитировании, но и провалы в некоторых важных местах. Так, Муратов пишет, что на дне офицера «лежала печать усталости и огромного напряженного труда, каким живут фронтовики». Представить себе выражение этого лица невозможно, так как здесь оно неизвестно объясняется другим неизвестным.

Яркие неповторимые детали, какими богата действительная жизнь, отсутствуют в повести О. Грузевой.

М. Муратов, Ломоносов, Детгиз, М.-Л. 1945.

Ю. ЮЗОВСКИЙ О СТАРЫХ И НОВЫХ ДРУЗЬЯХ

НА СПЕКТАКЛЕ «СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ» Л. МАЛЮГИНА В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ИМ. ЕРМОЛОВОЙ

Песю, о которой идет речь, написал критик, и мы не собираемся упрекать его, что он занялся не своим делом. Не потому, что он сделал его не хуже иных мастеров, а потому, что иные мастера сами не занимаются своим делом. А дело — советская пьеса — не жде! Сидит критик с пером наперевес, обзвывая театральные окрестности, — о какой пьесе ему бы написать? Ждал, ждал и сам написал пьесу. Подозрительно его и тех, о ком бы он написал, если бы они написали.

Поздравим и зрителя. Успех «Старых друзей» бесспорен, и это можно заметить и в театре Ермоловой, и на страницах печати, которая единодушно хвалит спектакль... И хотя иной критик порой хвалит, даже не взглянув как следует на то, что он хвалит, — похвала «Старым друзьям» вызывает наименьшее возражение.

Чем же вызван интерес к спектаклю? Мы слышим порой разговоры мирных зрителей, когда они в своей семье говорят, почему стоит пойти посмотреть тот или другой спектакль. Они оказываются, если посмотреть потому, что там играет знаменитый артист, например Жаров, другой, главным образом, потому, что это инспирировано знаменитым писателем, например Диккенса, третий... достаточно, в конце концов, и того, что это спектакль знаменитого театра, например МХАТ.

В данном случае нет ни того, ни другого, ни третьего, — больше того, нет ничего особо выдающегося ни в пьесе, ни в исполнении, ни в самой теме. Успех в этом спектакле отчасти объясняется тем, что спектакль отвечает какому-то настроению зрителя, потребности зрителя, быть может, и не самой важной, но все же весьма существенной.

Оторвитесь от сцены, и вы увидите улыбку, которая не сходит с лица зрителя все три акта. Потому ли это происходит, что в спектакле много «смешного» и что это комедия? Нет, не так уж много в нем смешного, и это не комедия. Это улыбка иного происхождения, она возникает от узнавания, от угадывания душевной жизни героев, от жизни раскрытой на сцене спектакля отчасти как интонация, и жесты, в выходящем из самой глубины сердца мгновенном взгляде, затасанной улыбке, непринужденно или вовсе нескладном слове, и оттого, что вы расшифровываете все эти намеки, возникает ваша улыбка.

Если определить одним словом атмосферу, в которую погружены и актеры и зрители, это будет «интеллигентность», атмосфера интеллигентности. Сидят юности и девушки в день окончания или средней школы, и не то, чтобы они помнят эти дни, а данком вспоминают любимого писателя, спорт о музыке или упоминают имя Фауста, а важно то, что годами привнесшая им культура уже вошла в их кровь, стала для них органичной и обнаруживается непринужденно в их жизни вообще, отвечаясь, так сказать, в самом мизинце. Вот самое главное, что сумел показать А. Лобанов. В этом весь секрет его блистательной постановки.

Пьеса называется «Старые друзья», но ее вернее было бы назвать «Новые друзья», потому что ее герои только недавно появились перед зрителем. Глядя на них, мы вспоминаем их предшественников. Мы вспоминаем и матерей той молодежи. Мы вспоминаем девушку из старой пьесы Погодина, которая говорила: ей нравится музыка Стравинского — так она называла Штрауса, — диковинное имя его она услышала впервые в жизни. А сейчас среди персонажей «Старых друзей» мы в любой девушке можем узнать племянницу погидинской героини и даже ее родную дочь, которая не только знает, что надо говорить («Штраус», а не «Стравус», но еще сыграет этого «Штрауса» на рояли. Мать, воспевавшая в детстве только восточные мелодии, а дочь в восточной одежде уже окончила среднюю школу. И в этой дистанции — весь путь, пройденный страной.

В пьесе Суетлова «Двадцать лет спустя», рассказывающей о первых годах революции, выведены девушки и парни из рабочих, и с другой стороны — гимназистки и гимназистки, буржуазные сыновья и дочки. Персонажи малюгинской пьесы, собственно, ведь тоже гимназисты и гимназистки, окончившие советскую гимназию юности и девушки. Однако происходит они от ребят и девушек, показанных в светской, и не только светской, пьесе: от наших тогда было столько же лет, сколько студенту чрезычайного явственности, и даже среди «старых друзей» оказался потомок того светского гимназиста, то можно с уверенностью сказать, что он уже не похож на своего папашу. Мы видим родственные черты отцов и детей, показанных в обеих пьесах, в которых есть и общность сюжета:

Ты в полном расцвете сил, Мил в Сталине видел твой черты: Мелк Кирсанов, единственный друг твой, Мысли нежной и простоты, Речи нехитрой и широты...

Мысль о Сталине, образ Сталина проходит через все произведения Джамбула последнего десятилетия. К образу Сталина Джамбул приходит всякий раз тогда, когда говорит о сущности советского строя, о достижениях социализма, о родине, о Красной Армии, о чаяниях народных.

Начиная с того дня, когда Джамбул, находившийся в июне 1941 года в плену, вспоминал, как в бумеранг войны, в урочище Май-Тюбе, он признал к победе.

В эту же ночь Джамбул сложил песню «В час, когда зовут Сталин».

Родина светлая всем дорогая, Голубая звезда всем дорогая, Прощай, батюшка, до свиданья, И спасибо тебе, Сталин, за победу — Непобедимая наша страна.

В юрсе спокойной отпустил ты я, Голубая звезда, как ты светишь ты, Звонких стремил не достану ли я, Вместе с народом устану ли я, Пусть свои песни в труду и в бою? Пусть они будут восторгом и гордостью, Вместе со Сталиным — песня моя!

Одним из первых значительных произведений Джамбула в дни Отечественной войны были его широкоизвестные песни, посланные Ленинграду и Москве.

Столь же широко известны обращения Джамбула к «советскому народу», «советским парням», «есть стихи» Сталинским полком, Воронежским, «Светлый праздник нам недалек», «Дружба народов» и др.

Несколько песен Джамбул посвятил детям своим, находившимся в рядах Действующей Армии. Один из младших сыновей его, Алгадай, сражался под Сталинградом. Алгадай оказался бесстрашным и славным воином, достойным сына своего отца. Он был пулеметчиком, и в газете «Сталинский воин» не раз помещались заметки о его боевых делах. 22 февраля 1943 года Алгадай погиб в бою под городом Сидельничкино.

Когда в старшем моему сообщению о гибели сына, слеза скатилась по его изборожденному морщинами лицу. Но после долгого молчания он встал за думбуру и ответил гостям песней:

За родную смерть — прощание жизни, Прощай, батюшка, как стоишь за отчину, И спасибо тебе, Сталин, за победу, Без страха за родную смерть он принял.

Песни, сложенные Джамбулом во время Отечественной войны, составили целую книгу, вышедшую отдельным изданием на русском языке. В ней запечатлены события войны, великие народные подвиги. Имя Джамбула было в Кайнаке, то в Махат-Кала, то в саде песню о Сулеймане Стальском, другом замечательном аяте советской эпохи. Он сказал о нем: «Сулейман умер, но песням его смерть не страшна. Они бессмертны, как народ, в глубине которого родились». Эти слова можно с полным правом отнести к самому Джамбулу.

отам предстояло показать себя в гражданской войне, детям предстояло испытание в войне с фашизмом, и дети оказались достойными своих отцов.

Но есть и нечто новое в детях, и ради этого нового для своих детей отцы вступили в борьбу. Десятки и сотни тысяч молодых людей с раннего возраста прошли через школы, библиотеки, театры, лекции, концертные залы. Многие из них побывали в Художественном театре, следили за шахматным турниром и просили сыграть по радио концерт Чайковского для фортепиано с оркестром.

Л. Орданянский в роли Тони и В. Юз в роли Александра Зайцева.

Повторяю, это не единично — это тысячи, тысячи и тысячи. Это новая формация советской молодежи. Это советский молодой человек, фундаментом которому служат все завоевания Октября. Видим ли мы этого молодого человека в литературе и на сцене? Заглянем в некоторые московские театры.

В спектакле «Отчий дом» в Театре драмы большим шагом шагнул по сцене комсомолец, так же, как шагала она на той же сцене пятнадцать лет назад. Ничего в ней не изменилось! Она была тогда очень юной, нерасторопной и сейчас очень юниросторпной, и главная цель театра, как мы понимаем, заключается в том, чтобы мы не усомнились в ее жизнестойкости, и действительно, мы в этом не усомнились, но мы этого и не добивались. Тогда — пятнадцать лет назад — она демонстрировала свою жизнестойкость в пику интикам, маюверам, скептикам и сомневающимся, всевозможным размазням, интеллигентам. Однако этого рода интеллигенту выпало поучиться у этой комсомолки. Но самой комсомолке разве нечему было поучиться? Очевидно, было. В чем же это заметное?

Я смотрю на эту девушку, которую в своем плане прекрасно играет Карпова, и думаю: прочла ли она хотя одну книгу, была ли в театре, слышала ли по радио, как поет Обухова? Нет, по-моему, она не читала, не видела и не слышала, иначе не казалось бы на ней, скалостью бы, если бы она даже не прочла ни одной книги, ни одной статьи. Она ничего не читала, не слышала, но она излучала бы не только жестами, междометиями, но также еще словами и интонациями.

Но, может быть, мы говорим о разных девушках, и Зина из «Отчего дома» вовсе не та девушка, и мы зря пристаем к ней со своими требованиями? Нет, она именно та девушка, о которой мы говорим, и сам автор не сумел этого скрыть. Зина, которую восемнадцать лет, так же, как ее брат Вася, которому девятнадцать лет, — оба являются железнодобытчиками, — она знает, что такое машинистка. В их доме еще до войны, а уже ступни находилось пианино, открытое гарнитура салфеткой. На это пианино Зина сейчас, в 1944 году, когда происходит действие, со своей подружкой Верой играет в четыре руки и даже предурждает ее, что надо играть «нежно, музыкально». Как видим, это как раз та девушка, о которой мы с самого начала толкуем.

Зина спрашивает Веру: «Верочка, помнишь, как нас учили играть в музыкальную группу?» Верочка ничего не отвечает, и мы тем более не решаемся утверждать, что она училась в музыкальной группе, мы как раз сомневаемся, училась ли она в существовании этакими с книжками, тетрадами и с глобусом, по которому никто, конечно, никогда не путешествовал.

Можно привести примеры из пьесы: в конце концов, почти все, что говорит Зина, Вера и Вася. Ограничимся, например, примечательной в этом смысле фразой. Вера говорит Зине: «Вот ты слышишь, подружка, она проявила себя, как проститутка». Мы не придираемся к словам, можно, конечно, сказать «проявила себя», но не обязательно. А у автора есть здесь момент обязательности! Девушка из «интеллигентности» у того же автора не сказала бы так и автор устанавливает разницу, больше того, подчеркивает ее, не замечая, что разницы уже страшно. В том, что она стирается, уже дело!

Директор завода, поселившийся в доме Зины, предлагает ей переехать в квартиру, и Зина отказывается: «Ой, что вы! Я даже покрасела. Что вы — спекулянтка? Я от вас этого не ожидала, товарищ директор. Довольно стыдно!»

Вот оно простоятое «довольно стыдно», пародичное «довольно стыдно» в устах нашей Зины, играющей музыкально и нежно на рояле вальс Джульетты! Довольно стыдно так писать!

Весь стиль Зины — это та бойка, заливчатая «третинка», которую иные авторы до сих пор считают хорошим тоном советской молодежи и которого сами, правда, не придерживаются. Но это — устаревший тон, дурной тон, и если он еще существует, то чем же тут возмущаться?

Только под самый занавес Катаев дает Зине реплику, на которую она вырывается расщепившись с первого же своего появления. По радио передают московские поэмы, и Зина говорит:

«Знаешь, на что это похоже? Это похоже на веточку ландыша. Каждый шарик отдельно. Верно?»

Слова эти автор подлил героине от ремейки Катаева. Но, право, героиня не нуждается в этой милостыне, она сама достаточно богата, и в данном случае только от автора зависело, чтобы она «проявила себя». Я вспоминаю, как насторожились зрители при этой реплике, как они хорошо ее поняли, с какой улыбкой они переглянулись, — и уже не было слышно той «третинки», которую выдала указывая «третинка», — и на миг возник другой зрительский зал, полнокровный и чувствующий, выросший, интеллигентный.

Мне могут возразить: разве девушка, подобная Зине, говорящая «довольно стыдно» и изъясняющаяся междометиями, не существует в жизни? Существует в жизни, но зачем же, людя, показывать на них пальцем: вот они, вот они! Существуют в жизни, допускаем, в немыслимом количестве, представляем себе даже, что они приходят в Московский театр драмы на спектакль «Отчий дом». Приходит и уходит. С чем же? Мы уже видели, с чем. Уверем вас,

что они вовсе не жаждут услышать одни лишь междометия, которыми обмениваются Вера, Зина, Вася и Санька. Они хотят слышать и слова. Да, слова, слова, слова, за которыми они пришли к писателю.

Если в зале сидят влюбленная Зина и влюбленный Вася, им для их чувства чрезвычайно важны: глубина, тонкость, красота, а вы, боюсь, ни в одну веточку ландыша, каждый шарик отдельно, напрасно думаете, что этого им хватает.

Молодежь «Отчего дома» ничем не отличается от молодежи, которую вывел Катаев пятнадцать лет назад в пьесе из эпохи первой пятилетки. Напомним и название той пьесы: «Время, вперед!»

«Отчий дом» — пьеса «столовая», а вот и «фронтовая» — у стен Ленинграда Вишнево в Камерном театре. Бурный темперамент автора перекладывается через рампу — в этом счастливый и завидный талант Вишнево. Но кроме Вишнево, на сцене находится еще и другие моряки, и в них мы сразу же узнаем старых знакомых: глубоко, тонко, красота, а вы, боюсь, ни в одну веточку ландыша, каждый шарик отдельно, напрасно думаете, что этого им хватает.

В пьесе Крона «Офицер флота» мы видим и тех и других и осязательно чувствуем дистанцию времени, которое дало удивительный эффект. Для комсомольцев пьесы — офицеров и краснофлотцев — культура становится, если позволительно так выразиться, их шестым чувством, столь же естественным, как все остальные. Процесс этот идет далеко не закончен, и тот же Крон мог бы проявить здесь значительно больше любознательности. Молодые люди, о которых идет речь, вы можете увидеть в жизни, они с удовольствием носят свою новую форму, они хотят быть в курсе жизни общественной, международной, художественной, хотят быть культурными, интеллигентными людьми, они испытывают от этого удовольствие, есть порой в этом даже некоторое сеголовство.

Моряки Вишнево, надо сказать, стараются быть такими же и вместе с автором делают все от них зависящее; плохо у них это получается, они смеются, исподволь «откалывают» и кажется, что для многих это «армо». И хотя автор уронивает их: «ничего не попишешь, ребята, время такое», — это их не убеждает, потому что сам автор внутренне, как художник, не убежден, хотя, конечно, все «спонимает». Мы видим, что это переломные «братские» 17-го года, которым тесно в их затеснутых бушлатах, им хочется распахнуться, всячески распахнуться и выйти на «волю», туда, в успешную эпоху гражданской войны, где лежит авторское сердце. Вишнево спасает положение тем, что беспорядочно в течение пьесы оговаривается по поводу традиций: да здравствует традиции! Да здравствует традиции! Он срывает портреты отцов и детей и говорит: смотрите, до чего они похожи, да их не отличить! Они похожи, но их отличить. Сегодняшний воин чтит традиции Первой Конной, но этот воин, он не простое повторение бойца Первой Конной, — есть тут гигантский путь: идейный, культурный, психологический.

Обедняя таким образом современную молодежь в пьесе «Отчий дом» и «У стен Ленинграда», да и во многих других пьесах, авторы обедняют тем самым и ту молодежь, которая в пьесах «Время, вперед!» и «Оптимистическая трагедия» властвовала над нашими сердцами. Есть тактовая пьеса: «дмалетика», — никуда от нее не денешься.

И сейчас возможны пьесы об эпохе гражданской войны или эпохе реконструкции, но это будут пьесы исторические, они тоже очень нужны сегодня нашему зрителю. Однако это вовсе не означает, что сегодняшний день надо пережить на вчерашнюю коловду. Конечно, ты можешь изображать время, которое хорошо знаешь, и вчерашний день, и позавчерашний, и тот, который был двадцать лет назад, и который был сто двадцать лет назад, — почет тебе и слава! Но если ты хочешь быть сегодня истинным, сегодняшнего дня, а завтра — завтрашнего, это бесспорно дело, это значит смотреть в оба на магнитную стрелку «время, вперед», — не лаявая ей отключиться!

Ведь вот получается, что два видных писателя поставили свои пьесы в двух видных театрах, и все же очень многие люди, которые не завержены «именами», а прислушиваются к своему сердцу, отдавая предпочтение мало известному театру и автору. И больше всего они ценят чуткость, которую обнаруживают артистическая молодежь театра им. Ермоловой и ее художественный руководитель.

Я не предлагаю в качестве образца героини спектакля «Старые друзья» ни уродливой интеллигентности, ни авторскую манеру ее изображения, — все это только намек, расщепляющийся для нас в будущее. Подобные же пьесы появлялись и раньше, — были там удачи и неудачи, мы в них искали то зерно, которое уже более заметно блеснуло в спектакле театра Ермоловой.

Общий недостаток этих пьес можно обнаружить и в «Старых друзьях». Если есть пьесы о «жизнестойкости» молодежи, где ничего кроме этой жизнестойкости нет, то в малюгинской пьесе можно сказать, что в ней есть интеллигентность, и кроме этой «интеллигентности», самоучувственная интеллигентности, интеллектуальности, тоже ничего нет. Вопросы, которые как будто поднимает автор, настолько слабо намекают, что о них не стоит серьезно говорить. Да и для самого автора главное было — создать атмосферу, настроение интеллигентности, которая всем пришлась по душе. Это удача. И все же этого мало, сегодня уже мало, а завтра тем более будет мало.

Достаточно ли сказать, например, «Трех сестрах» и «Яде Ване», только то, что там выведены прекрасные, благородные, интеллигентные люди. Нет, там есть еще великие мысли, великие мечты и великие надежды. «Интеллигентность» — это только условие, только лестница, которая должна нас вести в так сказать, широкую анфиладу идей, тем, конфликтов и судеб. К тому же речь идет о молодежи, которой предстоит вистину величайшие дела.

Вы наши чудесную ноту, но если вы обобудете только эту ноту, вы рискуете что от вас отвернется слушатель. Великий мир превратится у вас в миниатюрный мирок, и он не будет той каплей, которая отражает солнце. Не уместится в этом миреке ни большая мысль, которая превратится в мелкое умничанье, ни большое чувство, которое выродится в так называемое самочувствие, в пресловутое «мое, ваше и ихнее самочувствие», в тот тепловато-интимный лимонизм, за которым тепло ша-да, и уже доносится дунный запах мешанства... Вот мысли, возникающие у нас, когда мы стоим, так сказать, перед вышеназванной лестницей. Но все это только предостережение. Ною начало прекрасно.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя статью Ю. Юзовского о пьесе «Литературная газета» Ярославского драматического критиков, деятелей театра вынуждены напечатать ее в сокращении.

Антифашистские драмы Хосе Бергамини

Федор КЕЛЫН

Хосе Бергамини прислал москвичам драмы — антифашистские драмы «Иха-де-Диос» и «Партизанка» — томик, набранный в типографии республиканского поэта и также большого друга Советского Союза Мануэля Альюлигире и иллюстрированный великим мастером Пабло Пикассо. Этот томик, таким образом, принес нам тройной привет из далекой Мексики — от трех замечательных представителей искусства республиканской Испании.

Хосе Бергамини хорошо знают у нас в литературных кругах, знают как прекрасного художника и интересного мыслителя, знают как смелого борца за свободу и независимость испанского народа. Мы помним Бергамини в дни тяжелой освободительной войны 1936—1939 гг., пронесшего на Втором международном конгрессе в Мадриде речь, в которой он клеймил позором европейских писателей-нейтралов, уже тогда способствовавших своим молчанием нашествию гитлеровских варваров на Европу, клеймил от имени геронических мертвецов Мадрида. Мы помним Бергамини у нас в Москве, в дни выборов в Верховный Совет в ноябре — декабре 1937 г. «Я всего несколько дней в Москве», — сказал тогда Бергамини в беседе с сотрудником «Литературной газеты» — но с самого первого момента и почувствовал, что в вашей стране праздник. Ваш народ радуется и торжествует. Ваша избирательная кампания — это нечто совершенно новое, невиданное, но с чем не сравнимое... Для меня, испанца, сына борющейся за свою свободу страны, выдвигание в кандидаты А. Толстого, В. Ставского, М. Шолохова и других писателей имеет особое значение. Я всегда говорил, что писатель должен быть с народом, действовать заодно с ним. Писатель, оторванный от народа, перестает быть писателем. Политические воззрения не могут быть иными, чем воззрения народа, к которому он принадлежит. Иначе он не писатель».

Наконец, мы никогда не забудем, что именно Бергамини в дни XXIV годовщины Октября, в грозные дни, когда немские захватчики рвались к Москве, обратился с открытым письмом к группе советских писателей. Приведем из письма несколько строк: «Я ваш до гробовой доски. Я на-

деюсь, я верю в вашу победу, которая будет и нашей победой. И если мой слабый голос, голос испанца, может дойти до вас, прислушайтесь к нему. Он звучит за вас. Не забывайте: истина, которую вы защищаете, — это счастливая жизнь и радость наших детей, подлинный мир и свобода для всего мира и всего человечества, свобода человека и всех народов на всем земном шаре».

«Я с вами, братья и друзья. Я сам в какой-то мере исполнен той суровой и вместе с тем великодушной и радостной отваги, с которой вы ведете борьбу. Я горжусь тем, что я не только испанец, но — прежде и прежде всего — ваш друг. Я чувствую вас подле себя, я стою рядом с вами. Я обнимаю вас».

Заброшенный исторической судьбой и далекой Латинской Америке, оторванный от своей родины, от своего народа, Бергамини сохранил с ними живую, тесную связь. На чужбине в эмиграции он не перестал быть «писателем для народа», испанским писателем. И это особенно живо чувствовал в наши дни, когда героический испанский народ стоит перед новым этапом своей борьбы за свободу и демократию.

Присланный в Москву томик драм Бергамини еще лишний раз подтверждает подлинно народный характер его творчества. Одна из этих драм «Иха-де-Диос» была уже раньше известна в Москве. Присланная еще в 1942 г. с характерной пометкой, что весь сбор в странах Латинской Америки автор предназначает на «устройство обороны Советского Союза», драма эта представляет собой, по признанию самого писателя, антифашистскую редакцию «Геккубы» Эрипида или, точнее, ее испанско-испанской версии Фернандо-Переса-де-Оливы. «Иха-де-Диос» — страшная история страданий испанской матери и ее мести палачам — была тогда же по ее полному переводу на русский язык. Драма эта была перепечатана в выходящем в

Москве журнале «Интернациональная литература» (на испанском языке) в 1943 г.

Что касается второй из присланных драм — «Партизанка», то это трагический рассказ, часть в стихах, частью в прозе (сам автор определяет его словами «романсы»), молодой испанской девушки. Ли Нинья, партизанка Маринико и продолжателем его дела. Ли Нинья становится душой партизанского отряда, действующего в горах Верхнего Арагона, на границе с Францией. Отряд под ее руководством проводит несколько удачных боевых операций. Но у Ли Ниньи остались в селе двое братьшек (родители ее убиты фашистами). Навесная своих братьшек, она попадает в руки врагов и погибает, замученная ими. В пьесе, кроме центральной фигуры Ли Ниньи, имеются другие, хорошо написанные фигуры. Таков образ благородного священника, героически помогающего партизанам и также гибнущего от руки врага. Кроме того, постоянными спутницами Ли Ниньи в пьесе являются три старухи, символизирующие Судьбу (древние парки), и три девушки, олицетворяющие мечты и надежды испанского народа, его борьбу и свободу.

Совет драмы Бергамини, как мы видим, глубоко народный и в силу этого глубоко современный и революционный. Написанная прекрасным, мужественным и, вместе с тем, лиричным языком, драма особенно трогает и волнует советского читателя тем, что образ главной ее героини Ли Ниньи, как это говорит сам автор, зародился в нем под влиянием бессмертного образа Зои Космодемьянской. Судьба великой дочери советского народа, ее подвиг звучат в истории испанской девушки, этой Лины Олены наших дней, приносящей свою молодую жизнь на алтарь борьбы за великое дело народного освобождения.

Новая драма Бергамини — бесспорно его большая художественная победа. Бергамини искусно сочетал в ней язык народной Испании с языком классической испанской литературы, глубоким знатоком которой он является, обнаружив в этом случае большое и вполне зрелое художественное мастерство.

продушки и умеют пользоваться ими. Два примера заслуживают особого упоминания. Один — это великолепно изданное собрание репродукций с картин, рисунков и гравюр знаменитого чешского художника Йозефа Манеса, одного из лучших портретистов прошлого столетия. Манес был художником широкого диапазона, и собрание его репродукций можно было строить по-разному. Но в этом собрании явно преобладают национальная тематика и национальные мотивы, и кистию Манеса книга говорит с читателем на том же языке, что и пером Эрбена.

Другой пример — две детские книжки: «Сладкая» и «История» за авторством Ф. Грубиня. Первую иллюстрировал А. Забранский, вторую — И. Трынка. Эти иллюстрации, редкие по выразительности и тонкому проникновению в психологию ребенка, делают обе книги подлинными шедеврами полиграфического искусства. А вместе с тем они (в особенности рисунки Трынки) неосторожно внушают детям любовь к родному быту и родной природе.

Вспораживающая патристическая тенденция присуща, впрочем, любой из полученных нами книг. Вот, например, талантливый роман молодого автора Яна Дрды «Метель на ладони»; он посвящен чешской деревне, и каждая его страница дышит глубокой любовью к своему народу. Имя возмем полуживую большую полярную звезду Чехословакии — юмористический роман Эмиля Вашека «Галерка», написанный еще до войны (одним из звеньев его сюжета является раскрытие немецкого шпионажа); он весь проникнут интересом и сочувствием к «маленьким людям».

В жестокие, страшные годы боролась чешская книга за чешскую свободу. И ей удалось сохранить национальные ценности той классической истории чешской литературы Яромира Явочки; вот три тома художественной обработки истории «холодного бунта», принадлежавшие перу Врбы; вот с исключительной тщательностью изданная чешская проза времен Карла IV. А наряду с этим найдется немало произведений современных писателей на темы родной истории. И нельзя не отметить, что в большинстве этих книг текст сопровождается гравюрами (чаще всего исполненными на дереве), которые не просто «оживляют» текст, но очень тонко подчеркивают его значение. Можно назвать хотя бы «Пражский ноющий» Ф. Кубки с гравюрами А. Стралды.

Чешские издатели отлично знают силу и значение художественного рисунка или ре-

Резная листовка начала XVI века, обнаруженная недавно в архивах Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Аллегорическое изображение частей реки: в римском замке, олицетворяющем латинский язык, изображены Глагол (под видом короля), Наречие (королева), Междометие (шут) и т. д.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

„Дом у дороги“ А. Твардовского

Лирическая хроника Александра Твардовского «Дом у дороги» послужила предметом обсуждения на заседании президиума ССП СССР 26 февраля. Участники обсуждения высоко оценили новое произведение А. Твардовского, единодушно признав, что это большая удача поэта и всей советской поэзии. Автор нашел удивительно точную лирическую интонацию, настолько простую и естественную, что временами переставишь ощущать стих. Общий душевный тон, благородство и целомудрие чувств свойственно произведению. Несмотря на то, что повествование проникнуто чувством боли, оно остается глубоко оптимистичным. В особенности предпоследняя глава — рождение ребенка, где автору удалось так проникновенно изобразить побеждающую силу жизни. Герои Твардовского — обыкновенные советские люди, судьбы их связаны с судьбами множества других людей.

Таким образом, поэма А. Твардовского явилась поводом для принципиального разговора о неотложном деле нашей литературы.

В заключение А. Твардовский прочел новое стихотворение «Я убит подо Ржевом...».

Л. Субочкин, В. Александров, О. Резникова, А. Тарасенков, Д. Петровский и другие. Высоко оценивая лирическую хроника А. Твардовского, Л. Соболев, Д. Поликарпов, А. Лейтес выразили сожаление, что чувства радости и счастья победы не нашли такого же высоко поэтического звучания в произведении Твардовского, как чувства горя народного, потрясения войной. В итоге Великой Отечественной войны решены важнейшие государственные проблемы, укрепилась мощь нашей державы. Эти всемирно-исторические победы окупают страдания народа в войне. Рассказать об этом народу средствами эмоциональной, истинно поэтической речи — задача, не решенная еще нашей поэзией.

Таким образом, поэма А. Твардовского явилась поводом для принципиального разговора о неотложном деле нашей литературы.

В заключение А. Твардовский прочел новое стихотворение «Я убит подо Ржевом...».

Рост узбекской литературы

Секретарь правления ССП Узбекистана Д. Шарипов выступил в национальной комиссии ССП СССР с сообщением о работе Узбекского ССП. После декады узбекской литературы, проведенной в Москве в конце 1943 года, Узбекский союз писателей Узбекистана принял в свои ряды 15 новых членов и 7 кандидатов; издано на узбекском языке свыше 100 книг, преимущественно сборников стихов (Гафура Гуляма, Х. Алимджана, Шейхзаде, Уйгуна, Зулфия, Миртемира, Хамиды Гуляма, Тимур Фаттах и др.). Из произведений прозы вышли роман Айбека «Навои», повесть «Золотая звезда» и сборник рассказов Абдулла Кадыра. На сцене узбекского театра с успехом идут драмы Яшиной, И. Султанова и Уйгуна.

Узбекские писатели выпустили два альманаха, перевели на узбекский язык русских классиков (прозу Лермонтова, «Хаджи Мурата» и «Анну Каренину» Льва Толстого, басни Крылова, рассказы М. Горького и Чехова). Из произведений современных узбекских писателей изданы «Ленинградские очерки» Н. Тихонова, «Радуга» Ванды Васильевской, «Чингисхан» В. Уйна и уже переведены: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Хлеб» А. Толстого, «Тихий Дон» (п. 1) М. Шолохова. К юбилею казахского классика Абая узбекские поэты Уйгуна и Миртемир перевели книгу стихов Абая.

За последние месяцы значительно жи-

вляло деятельность Союза писателей, регулярно устраиваются обсуждения новых произведений, работает семинар для молодых писателей. К выбору в Верховный Совет СССР узбекские писатели выпустили сборник стихов и рассказов, молодые поэты Р. Бабаджанов, Шухрат, Янгин Мирза, Н. Ташпулат и Тураб Туя написали специальную «касыду» (оду) о выборах.

Д. Шарипов остановился и на слабых сторонах деятельности узбекских писателей, дал критический обзор нескольких неудачных произведений, говорил об отставании прозы и критики. Узбекские писатели сейчас заняты капитальными произведениями о современности.

Выступивший в прениях Вл. Луговской признал значительные успехи за узбекской литературой, но обратил внимание на слабую связь узбекских писателей с таджиками, туркменами.

К. Зеленин отметил, что узбекская литература все чаще выходит за пределы своей республики, а это выдвигает перед узбекскими писателями задачу — быть на уровне строгих требований, какие предъявит им советская критика. Надо повысить интерес узбекских писателей к теории литературы, к русской литературе и ее традициям реализма.

В обсуждении приняли участие Л. Климович, П. Скоксов, С. Липкин, С. Евгений.

Воспоминания о Горьком, Станиславском и Шалапине

На днях А. Тихонов прочел в клубе ССП СССР отрывки из книги мемуаров о встречах с М. Горьким, К. Станиславским и Ф. Шалапиным.

Автор привел разговор с М. Горьким, показывающий, какую большую роль играла во внутренней жизни М. Горького идея о свободном и гордом человеке.

Нить воспоминаний А. Тихонова о К. Станиславском тянется с 1901 г. — «поры зеленой весны» Художественного театра. А. Тихонов рассказал о стиле работы Станиславского с актерами, о его творческих поисках.

Воспоминания А. Тихонова были с интересом выслушаны аудиторией.

Свидетельство дружбы

Союз советских писателей получил из Чехословакии ценный дар — свыше 250 книг, изданных в Праге за последние годы. В этом даре не только новое проявление искренней дружбы братского народа, но и наглядное свидетельство той героической культурной работы, которую проделала чешская интеллигенция в тяжелейшие годы своего существования.

Немецкие насилие стремились превратить славян в рабов и уничтожить все основы их культуры. Перед чешской интеллигенцией встала трудная задача, честное исполнение которой стоило жизни многим из ее представителей. В обстановке кровавой немецкой оккупации нужно было неустанно напоминать чехословацкому народу о его славных традициях и поддерживать его веру в себя.

Этой цели прежде всего служила книга, которой легче было пробиться через нацистскую цензуру, чем другим видам печати. В самом деле, переиздание художественных произведений половины и даже конца прошлого века могло казаться «безобидным». А между тем одни имена авторов были для каждого чеха знакомы и программой.

Эрбен, Врхлицкий, Неруда, Отокар Бржецка, Святоплук Чех, Маха, Божена Немцова, Каролина Светла, Антонин Сова, Алоис Ирасек! Одни из них были глашатаями чешского национального пробуждения, другие умели найти в чешской истории и в национальном духе современного чешского народа надежные культурные и политические ценности и в ярких красках показать их своему читателю. Эти любовно изданные, безупречно оформленные книги много должны были сказать и много говорили широкой массе страны, захваченной гитлеровцами.

И не случайно большое внимание уделялось народным сказкам, собранным некоторыми из этих писателей. В чешском и словацком народном творчестве рельефно выступают народные идеалы и национальные черты. И когда читатель раскрывает чешские сказки Эрбена, сказки Божены Немцовой или собрание сказок Горька, он чувствует и знает, что обрести и поработить такой народ не под силу гейдрихам и нейтралам.

А вот перед нами изданный в Праге томик — на первый взгляд один из томов собрания произведений Эрбена. Да это труд Эрбена. Но какой? Перевод Лепоси Нестора — великий памятник истории Руси, каждым словом своим напоминающий о могучем и непобедимом брате на востоке...

Книги, присланные Союзом советских писателей в дар от писателей Чехословакии. Фото В. СТАВИНСКОГО.

Обращение к свидетельству истории вообще весьма характерно для чешской книги последних лет. Вот роскошно изданные шесть томов классического труда по чешской истории Палацкого; вот два больших тома классической истории чешской литературы Яромира Явочки; вот три тома художественной обработки истории «холодного бунта», принадлежавшие перу Врбы; вот с исключительной тщательностью изданная чешская проза времен Карла IV. А наряду с этим найдется немало произведений современных писателей на темы родной истории. И нельзя не отметить, что в большинстве этих книг текст сопровождается гравюрами (чаще всего исполненными на дереве), которые не просто «оживляют» текст, но очень тонко подчеркивают его значение. Можно назвать хотя бы «Пражский ноющий» Ф. Кубки с гравюрами А. Стралды.

Чешские издатели отлично знают силу и значение художественного рисунка или ре-

Лев ДЛИГАЧ

Переводные картинки

Абай Кунанбаев сказал: «Как ни прекрасна мысль, но, проходя через уста, она бледнеет».

Как же бледнеет мысль, выраженная дважды, двумя разными людьми, на двух разных языках? Сколько вложенного труда должен потратить пост-переводчик, чтобы преодолеть бедность человеческой речи и передать все оттенки чувств и мыслей, теснившихся в сердце и сознании другого художника?

За последнюю четверть века наша культура обогатилась многими перекладными произведениями, которые стали доступны русскому читателю, благодаря творческим усилиям большого отряда квалифицированных литераторов, работающих в области перевода.

Однако кое-что понимает перевод как поверхностный и вялый пересказ чужих мыслей. Именно это пагубное заблуждение влечет некоторых бездарных ремесленников и всеяких строчкогоним в тихую заваль перевода. Вот почему я считаю нужным опубликовать печальную повесть, рассказанную мне в новгородскую ночь моим другом и записанную почти стенографически.

— Здравствуй, коллега! — вкрадчиво произнесла она, прислонив к стене свернутый в трубку лист картона. — Я слышала, что под вашей редакцией выходит сборник о море... Швырнув на стол туго набитый портфель, она начала перекладывать и сортировать какие-то документы и газетные вырезки. Ее волосы напоились запахом смотанной клубок проволоки, напоились прожарившей и лишь где-то в глубине сохранивший свой первоначальный черный цвет. Голода ее была украшена средним размером кушанья, скомбинированном из черного бархата и рыжего меха. Перекинутая через плечо желтая лиса придавала ей высокомерный вид удачливой охотницы.

— Нашла, — радостно воскликнула она, захлопнув портфель. — Вот моя анкета и справка Комитета писателей о том, что я уже подала туда заявление. (Торжественно

ФЕЛЬЕТОН

И она поднесла мне рукопись, очеркнув темнокрасным помет наиболее разительные строки.

— Не хотите? — разочарованно спросила Генриэтта. — Тогда я могу обработать для вас кое-что из стародажего фольклора... или посмотрите мой перевод песни «Весенние арфы» из комедии «Веселые арфы».

И она доверчиво протянула мне завернутую в целлофан пьесу, напечатанную шапирографским способом на папиросной бумаге.

— А кроме песен и фольклора есть у вас что-нибудь? — спросила я, в надежде на то, что ассортимент тающихся в портфеле поэтических жанров уже исчерпан.

— В таком случае... — сказала «переводчица», — и положила на стол картонную трубку.

Я не смог скрыть овладевшего мной беспокойства, когда зашуршала и раздвинулся освобожденный от бечевки упругий картон.

— Ничего, ничего. Это плакат-газета паркового передвижного театра «Маски и краски». Тут помещен мой перевод народной песни, где в оригинально-рифмованном баргарском слове «похоронил» со словами «сузор еше», «взор еше» и т. д.

— Великолепно. Но при чем тут море? — А вы попробуйте спеть припев! Его легко можно изменить. Стоит только вместо «эх, ты горе, мое горе», пропаять «эх, ты море, мое море».

— Ничего проставлять не надо! Если у вас нет стихов на интересующую нас тему... — Вот что, — живо прервала меня Генриэтта Евламиневича, и от напруженной работы мысли ее лицо покрывало свежесловачным румянцем. — В гостиницу «Москва» приехал один молодой поэт, очень талантливый, — не знаю, на каком языке он пишет, может быть, он согласится написать для вас какой-нибудь подстрочник. Только для этого мне необходимо иметь официальный перевод.

Ее творческая фантазия все больше и больше расплывалась, и от этого ее острее и приторнее пахла ее дух. Я почувствовал, что с неизвестным поэтом из гостиницы «Москва» связана моя единственная надежда на спасение.

— Прекрасно, — сказал я. — Письма я вам дать не могу, но вы сами получите, передайте и принесите стихи этого поэта. До свидания!

Взяв подмышку плакат-газету и привычным рычком подняв поволоченный портфель, она вышла.

Я распахнул окно и в наслаждении вдыхал морозный воздух. Изнутри обдувало плечи, как бы оживили слова «визу» Абрамова, в котором лежали скотские «твой» булавкой подстрочники со следами гуд-

ной поэмки. Уходя домой, я сунул их в этот томик литературного творчества. Проникновение в дух и смысл забытых подстрочников отняло у меня порочное время, но это была полезная гимнастика мозга, напоминающая разгадывание кроссвордов. Особенно поправилась мне примечка к одной восточной басне:

«Бай — нехороший человек. Гуд-бай — хороший человек. Бай-бай — сонливый человек».

От этого занятия меня отлек телефонный звонок Генриэтты Барбост. «Переводчица» справлялась, не остался ли у меня ее словарь, «без которого она, как без рук». Я ответил, что словарь будет ей возвращаться завтра.

— Только завтра?.. Но ведь у меня пропадет сегодняшний творческий вечер и завтрашний рабочий утр...

Мучимый тяжелыми предчувствиями, я повесил трубку и к телефону на всякий случай больше не подходил. На следующий день едва я пришел в редакцию, за дверью раздались не то стоны, не то взлох:

— Разрешите?

В дверях показалась бархатная кукиш, отороченный куним хвостом, а за ним возникла атлетическая фигура Генриэтты Евламиневич.

Я немедленно вернулся ей словарь. Она сунула его в портфель и положила на стол молдавскую лодку о рыбаке.

Генриэтта Евламиневича преследовала меня всюду.

Приходя в столовую писательского клуба, я раскладывал на свободных стульях портфель, перчатки и давку, потому что терпел апатит, слыша за спиной знакомый вкрадливый голос: — Этот стул свободен?

В гостинице «Метрополь» я милостиво уступил, как белка в колесе, пытаясь улизнуть от Генриэтты Барбост, проворно вскопичившей в смежном отделении вращающейся входной двери.

Намеченный и завернутый в салфетку, я увидел в зеркале парикмахерской стоящую за моей спиной Генриэтту, с незамысловатым портфельем и лисой через плечо.

Застыгивая Генриэттой Евламиневич в лифте десятиэтажного дома, я около часа носился вверх и вниз, пока она, читая мое письмо, поочередно нажимала то одну, то другую кнопку.

У меня выработалась отвратительная привычка отвечать по телефону женским голосом, как бы она ни звонила. Тогда я и вечно не выключал и подбегал к окну, чтобы посмотреть, не выбралась ли Генриэтта по пожарной лестнице.

В течение двух недель я ловилую удачно маневрировал, избегая наскоков «переводчицы», но в конце концов ей удалось настичь меня в телефонной будке на центральном телеграфу. Выхода не было. Дверь была приперта снаружи атлетическим торсом Генриэтты.

— Меня нет дома, — сказал я по привычке, — и повесил трубку.

— Разрешите? — радостно спросила Генриэтта, приоткрывая дверь. — Мне вчера удалось продвинуть «Чтец-декламатор юного натуралиста». Как литератор-организатор и переводчик я разбала материал по эпохам, зверам и жанрам. Сейчас я абсолютно свободна и надеюсь, по старому знакомству, получить у вас какой-нибудь подстрочничек.

У меня онемели конечности и, потеряв волю к сопротивлению, я вяло сказал: — Подстрочничек? Хорошо, я подберу вам подстрочничек...

Всю ночь меня мучила бессонница, я знал, что утро сулит мне очередную встречу с Генриэттой, и принял окончательное решение. Стараясь сохранить стилистические и смысловые особенности подстрочничка, забытых в свое время Генриэттой, я решил пересказать таким же образом одно из самых гениальных поэтических произведений, которое она знала наизусть. Получилось, примерно, следующее:

Мой (умывай) дядя (брат отца, матеря, отец правды), самых честных (лучших людей) правил (исправлял, редактировал). Когда «стал в шутку (сурово, строго) занемог (стал не уметь), Он уважал себя заставил (проникнул) почтением, вынул себя (как уваженье). И лучше выдумать (сочинить, приврать) не мог.

Его пример (легкая задача) — другим наука (премудрость), Но, боже мой (религиозное восклицание), какая скука (самка собаки).

С большим сдвигом (с недужным старьем) и день и ночь (сутки). Не отходя (живя, не умирая) ни шагу (ни с места) прочь! (вон, долдой!).

От ужаса меня знобило. Мучимый лезбонжностью завтрашнего свидания с Генриэттой, я продолжал святотатственную работу.

Так думал (полагал, надеялся) молодой поэтеса (юный вильяк).

Летя (несясь над землей) в пыли (пыла-порыв, горячица) на почтовых (род самолета),

Всевишней волею (своболою, которая превлише всего) Зевеса (облачная, дымовая),

За ночь я успел перевести на язык подстрочничков около двухсот строк. В конце концов, думая я, бурное обещание — так уж высокая плата за возможность спокойно спать, бесстрашно пользоваться телефоном и без риска для жизни браться в парикмахерской.

Утром Генриэтта Барбост встретила меня у входа в редакцию. Я вручил ей в конверте плод своего бессонничья. Генриэтта Евламиневича белоглазко пощипала количество строк и с чувством показала мне руку.

Мы расстались друзьями.

Но недавно в вестнике баян «Лок» я увидел роскошный фанерный стэнд, на котором висела красочная стенгазета с переводом Генриэтты Евламиневич:

Отец двоюродного брата! Мой самых честных — что есть сил! Ты снова, как умел когда-то, Себя к почтению приучил. И твой пример других научит Быть чистоплотным день и ночь. Негут нерышлого мучит, Не от него отходят прочь. Готов повисеть, недаром, Неряха, гибнущий в пыли. Не лучше ль вместе с легким паром Лететь, не чувствуя земли?..

Генриэтте Евламиневиче все-таки удалось «перевести» перевод, сделанный по моему подстрочничку.

— Как бы то ни было — закончил мой друг — я, кажется, теперь избавлен от «переводческого» вздора, стародажего фольклора и стародажего эпоса.

В течение двух недель я ловилую удачно маневрировал, избегая наскоков «переводчицы», но в конце концов ей удалось настичь меня в телефонной будке на центральном телеграфу. Выхода не было. Дверь была приперта снаружи атлетическим торсом Генриэтты.

— Меня нет дома, — сказал я по привычке, — и повесил трубку.

— Разрешите? — радостно спросила Генриэтта, приоткрывая дверь. — Мне вчера удалось продвинуть «Чтец-декламатор юного натуралиста». Как литератор-организатор и переводчик я разбала материал по эпохам, зверам и жанрам. Сейчас я абсолютно свободна и надеюсь, по старому знакомству, получить у вас какой-нибудь подстрочничек.

У меня онемели конечности и, потеряв волю к сопротивлению, я вяло сказал: — Подстрочничек? Хорошо, я подберу вам подстрочничек...

Всю ночь меня мучила бессонница, я знал, что утро сулит мне очередную встречу с Генриэттой, и принял окончательное решение. Стараясь сохранить стилистические и смысловые особенности подстрочничка, забытых в свое время Генриэттой, я решил пересказать таким же образом одно из самых гениальных поэтических произведений, которое она знала наизусть. Получилось, примерно, следующее:

Мой (умывай) дядя (брат отца, матеря, отец правды), самых честных (лучших людей) правил (исправлял, редактировал). Когда «стал в шутку (сурово, строго) занемог (стал не уметь), Он уважал себя заставил (проникнул) почтением, вынул себя (как уваженье). И лучше выдумать (сочинить, приврать) не мог.

Его пример (легкая задача) — другим наука (премудрость), Но, боже мой (религиозное восклицание), какая скука (самка собаки).

С большим сдвигом (с недужным старьем) и день и ночь (сутки). Не отходя (живя, не умирая) ни шагу (ни с места) прочь! (вон, долдой!).

От ужаса меня знобило. Мучимый лезбонжностью завтрашнего свидания с Генриэттой, я продолжал святотатственную работу.

Так думал (полагал, надеялся) молодой поэтеса (юный вильяк).

Летя (несясь над землей) в пыли (пыла-порыв, горячица) на почтовых (род самолета),

Всевишней волею (своболою, которая превлише всего) Зевеса (облачная, дымовая),

За ночь я успел перевести на язык подстрочничков около двухсот строк. В конце концов, думая я, бурное обещание — так уж высокая плата за возможность спокойно спать, бесстрашно пользоваться телефоном и без риска для жизни браться в парикмахерской.

Утром Генриэтта Барбост встретила меня у входа в редакцию. Я вручил ей в конверте плод своего бессонничья. Генриэтта Евламиневича белоглазко пощипала количество строк и с чувством показала мне руку.

Мы расстались друзьями.

Но недавно в вестнике баян «Лок» я увидел роскошный фанерный стэнд, на котором висела красочная стенгазета с переводом Генриэтты Евламиневич:

Отец двоюродного брата! Мой самых честных — что есть сил! Ты снова, как умел когда-то, Себя к почтению приучил. И твой пример других научит Быть чистоплотным день и ночь. Негут нерышлого мучит, Не от него отходят прочь. Готов повисеть, недаром, Неряха, гибнущий в пыли. Не лучше ль вместе с легким паром Лететь, не чувствуя земли?..

Генриэтте Евламиневиче все-таки удалось «перевести» перевод, сделанный по моему подстрочничку.

— Как бы то ни было — закончил мой друг — я, кажется, теперь избавлен от «переводческого» вздора, стародажего фольклора и стародажего эпоса.

Доклад о Маяковском

На днях в Институте мировой литературы им. Горького на заседании группы по изучению творчества В. Маяковского проф. Б. Томашевский сделал доклад на тему: «Маяковский в истории русского стиха».

Б. Томашевский рассматривает систему стихосложения Маяковского в связи с историей развития русского стиха.

— Та или иная система стихосложения, — говорит докладчик, — не возникает сама по себе. Она связана с развитием языка, с системой произношения данной эпохи. Но историко Маяковский повисло не случайно, оно возникло из речевой практики эпохи, оно отразило новый этап в истории русского языка. И поэтому система стихосложения Маяковского закономерна в русской поэзии.

Б. Томашевский подробно характеризует рифму Маяковского, говорит об ее исключительно звуковом богатстве.

Выступившие в прениях Г. Винокур, С. Бонди, А. Реформатский отметили содержательность и полноту доклада Б. Томашевского, оспаривая отдельные частные положения.

Новые книги Лениздата

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В 1946 году Ленинградское журнально-газетное и книжное издательство предполагает издать 75 авторских листов художественной литературы и три раза больше, чем было издано Лениндатом в прошлом году. План Лениндата (раздел художественной литературы) обсуждался на днях президиумом Ленинградского отделения Союза советских писателей. 52 книги, намеченные издательством к выпуску, — это прежде всего романы, повести и стихи, посвященные Ленинграду, а также лучшие произведения советских писателей и избранные сочинения русских классиков. Кроме того, Лениндат продолжит издание «Библиотеки школьника».

Писатели, участвовавшие в обсуждении плана Лениндата, единодушно отметили, что издательство заняло почетное место в литературной жизни Ленинграда.

Президиум ЛенССП высказал пожелание увеличить число книг по разделу современной поэзии и издать несколько сборников произведений молодых ленинградских поэтов.

Литературный Донбасс

СТАЛИНО. (От наш. корр.). Донецкая организация Союза советских писателей Украины издала альманах «Донецкие огни», «Избранные произведения» П. Бесполодного, сборник новелл П. Байдебуря «Земля Донецкая», сборник молодых поэтов «Стихи о Донбассе». Подписан к печати литературно-публицистический альманах «Возрожденный Донбасс», который выйдет из Харькова. Намечен выпуск периодического альманаха «Литературный Донбасс», первая книга альманаха подготовлена к печати.

При газетах «Социалистический Донбасс», «Радайска Донеччина» и «Ворошиловградская Правда» созданы литературные консультации. В литературных объединениях Сталино, Ворошиловграда, Макеевки систематически работают молодые авторы. Член объединения Л. Черкашина написала повесть «В Донбассе» — о подпольной группе в Буденковке, борющейся с немецкими захватчиками.

«МЕЧТА»

КИЕВ. (От наш. корр.). На днях в коллективе Украинского драматического театра им. И. Франко состоялась читка пьесы А. Корнейчука «Мечта».

Пьеса посвящена советской интеллигенции и ставит вопросы творчества, семьи и быта в послевоенный период. Коллектив театра дал высокую оценку новой работе А. Корнейчука.

«Рассказ героя»

В Летние принята к изданию книга Е. Герасимова «Рассказ героя» о жизненном и боевом пути Героя Советского Союза И. Н. Рум